

Станислав Стратиев
Балканский синдром

Станислав Стратиев
Балканский синдром

www.stanislavstratiev.org

Балканский синдром

© Станислав Стратиев, 1987. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2014. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женщина с проблемой.

Белая Ворона.

Первый мужчина – тот, кого в гимназии ругают чаще всего.

Второй мужчина – метеоролог.

Житель села Бели Искр.

Женщина-символ.

Директор театра.

Кум.

Бай Цончо.

Йовчо.

Печо.

Баба Кера.

Инопланетянин.

Цонка.

Георги.

Новый директор.

Сват.

Первый незнакомец.

Второй незнакомец.

Третий незнакомец.

Народные певицы.

Оркестранты.

Минчо.

Свадебщики.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сумрачное зимнее предвечерье. Холодный, пронизывающий ветер. Снегопад засыпает склоны окрестных гор. Смеркается... В сумраке возникают два силуэта мужчин в пальто с поднятыми воротниками и надвинутых низко на лоб шляпах. Руки оба держат в карманах. Незнакомцы осматриваются. Издалека доносится волчий вой...

ПЕРВЫЙ. Дует...

ВТОРОЙ. Зимой в горах всегда так... *(Пауза. Вой повторяется, звучит в третий раз.)*

ПЕРВЫЙ. Воют...

ВТОРОЙ. Изголодались... *(Пауза.)*

ПЕРВЫЙ. Очень большие сугробы...

ВТОРОЙ. У нас нет другого выхода.

ПЕРВЫЙ. Огонька не найдется? *(Достает сигарету.)*

ВТОРОЙ. Найдется. Вот. Бери. *(Подает зажигалку, тот закуривает.)*

ПЕРВЫЙ. Далеко ли до Бели Искр?

В этот момент в зрительном зале, в третьем ряду, раздается отчаянный вопль.

Первый и Второй мужчины поворачивают головы и смотрят в зал...

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Помогите! Грабят! Держите вора!..

Она вскочила с места и держит за рукав соседа, у которого в руках дамская сумка. Двое мужчин, сидевших рядом, бросаются на помощь. С криками: "Сюда! От нас не уйдет! Осторожнее! Куда его вести? Ну-ка, пошли на сцену!.." они выводят его в проход между рядами кресел. Зрители устремляются туда, наступает суматоха,

двое незнакомцев, в растерянности, исчезают со сцены, куда поднимается целая группа людей: вор, двое мужчин, которые крепко держат его за руки, пострадавшая женщина. На сцене загорается свет, спектакль прекращается.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Как вам не совестно!.. Мы пришли сюда обогащаться, а вы – нас грабите!.. На что это похоже?!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Милиция здесь есть?.. Позовите кого-нибудь из администрации!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Директора!.. Директора!.. Где директор? Эй!..

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. И вам не совестно воровать в театре?!

Тут не вокзал! Это храм искусства!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Плюют они на храмы. Все разворовали. Иконы, кадилаицицы...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Это пережитки прошлого.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Что – кадилаицицы?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Воровство.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Я только настроилась эстетически, занавес поднимается, смотрю: а он схватил мою сумку.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Директор!.. Позовите директора!.. Где директор?..

ДИРЕКТОР. В чем дело? Почему вы все на сцене?

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Вот этот тип ворует во вверенном вам театре.

ДИРЕКТОР. Ворует?!..

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Спер у меня сумку. В очаге культуры!..

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Пережиток прошлого!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Мы его задержали.

ДИРЕКТОР. Как вам не совестно! Нашли, где воровать! Вам что – мало кинотеатров?

БЕЛАЯ ВОРОНА. В кинотеатрах нету сцены.

ДИРЕКТОР. А вы что? После того как украли – выходите кланяться?

Ожидаете, что вас вызовут на бис?!..

БЕЛАЯ ВОРОНА. Я ожидал, что меня выведут на сцену.

ДИРЕКТОР. Любопытно узнать – зачем?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Затем, что мне надоело разговаривать с вагоновожатым. День, два, три, год, несколько лет подряд говорю только с вагоновожатым.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Теперь притворяется сумасшедшим.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Известный номер.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Это пережиток прошлого.

ДИРЕКТОР. Причем здесь вагоновожатый? Вверенный мне театр не имеет ничего общего с вагоновожатыми. Почему вы воруете? Для чего вам нужна сцена?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Я хотел поговорить с людьми.

ДИРЕКТОР. С какими людьми?

БЕЛАЯ ВОРОНА (*кивает в сторону публики*). С этими. С моими современниками.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. У вора не бывает современников. Если ты мой современник, то почему спер у меня сумку?.. Мы ведь современники?

ДИРЕКТОР. Почему ты намерен говорить с современниками?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Мне надоело разговаривать с вагоновожатым.

Годами – с вагоновожатым.

ДИРЕКТОР. А почему ты разговариваешь с вагоновожатым?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Потому что запрещено.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Опять притворяется сумасшедшим.

БЕЛАЯ ВОРОНА. Не притворяюсь. Вы же видели: во всех трамваях есть надпись о том, что разговаривать с вагоновожатым запрещено.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Да, факт. Есть.

ДИРЕКТОР. Почему же ты разговариваешь, раз запрещено?

БЕЛАЯ ВОРОНА. А что мне делать? Возможностей у меня всего ничего. Я не могу отправить сына куда-нибудь послом только по той причине, что качество здешнего виски оставляет желать лучшего. Не имею возможности торговать государственными должностями. Или раздать десятки гектаров леса и таким образом обеспечить свою родню вплоть до девятого колена. А я ведь тоже человек. И тоже не прочь повернуть что-либо противозаконное. Чтоб можно было смотреть детям в глаза.

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. И что же ты сделал?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Перешел улицу на красный свет!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Дегенерат.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Преступник! Рецидивист!

БЕЛАЯ ВОРОНА. Меня оштрафовали. Моментально. Перевели в воскресную школу. Написали на работу письмо. Заклеймили в квартале. Опозорили на всю школу, где учатся мои дети, еще и фото мое вывесили. Показали меня в сатирической передаче "Луч"... С тех пор я стал разговаривать с вагоновожатыми. Под надписью, где сказано, что разговаривать с вагоновожатым запрещено. Запрещено – а в то же время безопасно. И – самое главное! – вполне в моих возможностях.

ДИРЕКТОР. Но тебе это надоело, и ты решил обратиться к своим современникам?

БЕЛАЯ ВОРОНА. Да. И потому украл сумку.

ДИРЕКТОР. Хотел бы я знать, что ты им скажешь.

БЕЛАЯ ВОРОНА. Можно начинать? *(По знаку директора обращается к зрительному залу.)* Уважаемые современники! Признаюсь:

пенициллин открыл не я. Я человек вполне обыкновенный. Но у меня есть проблема: я не знаю, что сказать своим детям. Когда я был маленьким, в моем селе еще ходила молва и все помнили о том, как четыре поколения тому назад Митьо Белый украл три початка кукурузы. Украл еще при турках, а его внуки и правнуки стыдились смотреть людям в глаза. Он был белой вороной своей родни и всей округи. За девушками из его рода давали втрое больше приданого, но тем не менее никто их не брал замуж. А сегодня я белая ворона своего квартала. Живу только на зарплату, не имею ничего общего с угонкой автомобилей, не беру взятки, матрас мой набит ветошью, а не пачками денег. Из всех обитателей нашего дома один я выбиваю свой матрас, остальные их вообще не выносят. Все смотрят на меня косо, приятели от меня отказались. Вокруг меня образовался вакуум, потому что я не сидел в тюрьме и в гараже у меня не стоят две машины. Мало того: у меня даже нет гаража. И никаких скандальных историй с женщинами, я даже не напивался подобно некоторым и не разбивал окон у половины жильцов нашего дома. И в результате всего этого общественность нашего квартала указывает на меня пальцами и шарахается от меня, как от чумного. Вот чем все это для меня обернулось, уважаемые современники. И, если на себя мне плевать, то что я скажу своим детям. Как мне их воспитывать? Если в букваре написано одно, в

газетах – другое, а в жизни все происходит совсем-совсем иначе. Мой младший сын то и дело пристаёт, чтобы я повел его к врачу. К врачу "уши-глаза". Я ему говорю, что такого врача нет, есть врач, который лечит "уши, нос, горло". А он мне: нет, мол, мне нужен "уши-глаза", потому что я слышу одно, а вижу – другое. Ребенок думает, что он болен. Что я ему должен сказать, уважаемые современники? Где я найду такого врача?.. Вот в чем моя проблема, и я буду вам очень благодарен, если вы поможете ее решить.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Современники!

ДИРЕКТОР. Послушайте, вы находитесь в театре.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Как будто только у него проблемы. У меня они тоже есть.

ДИРЕКТОР. Мы что – будем смотреть спектакль или выдвигать проблемы?..

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. А почему это ему можно обращаться к современникам, а мне – нет? У него есть проблемы, а у нас, что же, их нет?

ДИРЕКТОР. Не забывайте: здесь театр, если мы начнем беседовать с современниками, то неизвестно, чем это все кончится.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Знаю я ваш театр. У вас только средневековые да принцы на уме! Причем – чужие!.. Нет ли у нас своих принцев? Так нет – нам подавай чужих!..

ДИРЕКТОР. Я с полузнайками о театре не разговариваю. У нас таких и здесь хватает, в театре. Освободите сцену!..

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. А почему бы не дать ему высказаться. Он все же нам помог... Если бы не он...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. То же самое говорил Иван Вазов.

ДИРЕКТОР. Что сказал Вазов? Что он говорил?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Насчет моральных стимулов. Без такой награды у поэта пропадает вдохновенье, иссякает фантазия...

ДИРЕКТОР. Так этот кто – поэт?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Я метеоролог.

ДИРЕКТОР. Вот видите – метеоролог!.. Какая еще награда? Какое вдохновенье?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Всего два слова. Прошу вас!..

ДИРЕКТОР. Два – можно. Односложных.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Современники!..

ДИРЕКТОР. Короче!..

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Ладно. *(Обращается к публике.)* Вы сделали нас посмешищем.

ДИРЕКТОР. Кого это – "нас"?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Метеорологов.

ДИРЕКТОР. Так и скажи. Нечего обобщать!..

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Вы сделали посмешищем нас, метеорологов. Мы предсказываем погоду. Определяем климат. Сейчас везде говорят о климате. Но что такое климат? Климата как такового уже нет. Полная путаница и антинаучность!..

ДИРЕКТОР. Снова обобщения!.. Поэты не обобщают, обобщают метеорологи!.. Выражайтесь коротко и ясно!..

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Ладно. *(Обращается к публике.)* Вы, мои современники, обожаете шумиху. Много шума из ничего!..

Шквалистый ветер!.. Скажем, вот мы оформим как положено барические поля, проанализируем снимки, сделанные спутником, представим научно обоснованный прогноз – и тут с бухты-барухты

поднимается буря... буря восторгов. На всем Европейском континенте – тишь да гладь, а над нашей страной – ураган. Ураган славословий. Ненаучных, нелогичных, ничем не обоснованных восхвалений. Этот засыпает шквалом похвал того, тот – третьего, третий – четвертого. Буря... волны накатывают... *(Посматривает на директора.)* на отдельные районы... Прогнозы летят к черту. Нет, это больше не профессия! О каком климате может идти речь, мои современники, если мы уже не ведаем, что творим, мы стали посмешищем для всех...

ДИРЕКТОР. Все! Кончено!.. Больше никаких проблем! Здесь вам не съезд метеорологов!.. Прошу вас! Очень вас прошу!.. Освободите сцену! *(Выталкивает Белую Ворону и Метеоролога.)* Вы тоже!.. Освободите сцену!.. Прошу!..

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА *(упирается)*. А вы знаете, что сказал Вазов?..

ДИРЕКТОР. Не знаю и не желаю знать!.. Что вам сказал Вазов – это касается только вас!.. Освободите сцену!..

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. А ведь у нас демократия! Почему вы затыкаете нам рты?

ДИРЕКТОР. Демократия не означает, что всякий, у кого есть какие-либо проблемы, может выйти на сцену и рассказывать о наболевшем. Прошу вас... *(Сгоняет посторонних со сцены.)*

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Но у нас ведь тоже проблемы... это несправедливо... Почему одним можно, а другим нельзя – разве не так? Неужели для этого надо что-нибудь украсть...

ДИРЕКТОР. Да вы в своем уме? Хотите, чтобы проблемы были у меня? *(В эту минуту раздается звонок телефона, который стоит на небольшом столике на переднем плане.)* Вот!.. Они у меня уже есть!.. *(Снимает трубку.)* Алло!.. Слушаю! Да!.. Да, есть... есть директор, это

я, я здесь... Никакой неразберихи, сейчас начинаем, через секунду... Да, продолжаю руководить... никакой неуправки нет, все будет управляемым... Внимательнее?... Понимаю... Сейчас дует другой ветер, да... понимаю!.. Слушаюсь!.. Всего хорошего!.. *(Кладет трубку и, широко улыбаясь, обращается к Первому мужчине.)* Будьте добры, расскажите, в чем состоит ваша проблема, прошу вас!.. Мы с удовольствием выслушаем!.. Итак?..

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Современники!.. Дорогие мои ученики!..

ДИРЕКТОР. Погодите, какие еще ученики?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Я всю жизнь пишу учебники... я автор задач по математике, тех самых, пресловутых – о бассейнах... Вы ведь помните: бассейн, к которому подведена одна труба, наполняется водой за два часа...

ДИРЕКТОР. А, так это вы тот самый человек, которого у нас в школе ругали почему зря?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Знаю. Можно, я продолжу?

ДИРЕКТОР. Пожалуйста!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Современники! Дорогие мои ученики!.. Если вы считаете, что за тридцать лет я вам что кое-что дал, пусть самую малость, помогите и вы мне сейчас. Достаньте мне пропуск в бассейн!..

ДИРЕКТОР. В какой бассейн?..

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. В плавательный.

ДИРЕКТОР. В этом состоит ваша проблема?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Нет. Проблема в другом. Когда я начинал, во всей Болгарии имелся всего один бассейн – в Центральной бане. Но он был другого типа. Вода вливалась и выливалась через трубы. Задачи о

бассейнах решали поколение за поколением, пока два месяца тому назад один четвероклассник не заявил мне, что такое невозможно.

ДИРЕКТОР. Что именно?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Чтобы бассейн, который вмещает 600 гектолитров воды, наполнялся посредством одной трубы за два часа, а опорожнялся через две трубы за полсинуса контангенса числа пи, возведенного в квадрат.

ДИРЕКТОР. Я тоже думаю, что это невозможно. На этой задаче меня срезали на выпускном экзамене.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Теоретически все верно. Ошибки здесь нет. Но этот мальчик заявил мне, что сейчас бассейны наполняют совершенно иначе, без применения труб. "А ты реши задачу, – сказал я ему, – а как наполняют бассейны, это уже другой вопрос". Он же мне заявил, что школа обязана прежде всего помогать практике. А если я не знаком с последними документами по этому вопросу, то не мешало бы их прочесть. Тут я вспылил и заявил ему, что наша цель не в том, чтобы научить его наполнять и опорожнять бассейны, а в том, чтобы научить его решать задачи чисто теоретически. На это он мне ответил, что чисто теоретически можно вычислить даже то, сколько ангелов могут разместиться на кончике иглы, но это вряд ли поможет нам обогнать Японию в последующие пятнадцать лет.

ДИРЕКТОР. Мы не были такими умными. Когда не могли решить задачу, получали двойку – и делу конец.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Я бы ему тоже поставил. Но директор школы посоветовал мне изучить устройство более современного бассейна, чтобы немного перестроить работу по математике. Так ведь для переустройства математики необходимо переустроить бассейны. А

чтобы переустроить бассейны, нужно переустроить теплофикацию. А чтобы переустроить теплофикацию, необходимо переустроить механизацию. А чтобы переустроить механизацию, необходимо переустроить черную металлургию. А чтобы переустроить черную металлургию, нужно переустроить цветную металлургию. А чтобы переустроить цветную металлургию, нужно переустроить легкую промышленность. А чтобы переустроить легкую промышленность, нужно переустроить производство консервов. А чтобы переустроить производство консервов, надо переустроить поэзию. А чтобы переустроить поэзию, надо переустроить финансы. А чтобы переустроить финансы, нужно переустроить балансы... А чтобы переустроить балансы, необходимо переустроить торговлю... А чтобы переустроить торговлю... нужно переустроить большую химию...

ДИРЕКТОР. Вам, я вижу, плохо... Вы бы прилегали, идите сюда...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. А чтобы переустроить большую химию, нужно переустроить малую правду... А чтобы переустроить малую правду, нужно переустроить транспорт... И тогда – пиши пропало...

ДИРЕКТОР. Идите, идите же сюда... Да он свихнулся!.. *(Первого мужчину уводят со сцены.)*

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Современники!.. Дорогие мои современники!.. *(Посматривает на Директора, который подходит к ней.)* Как вам сказать ...

ДИРЕКТОР. Говорите, пожалуйста!.. Не стесняйтесь!..

ЖЕНЩИНА С ПРОБЛЕМОЙ. Моя проблема состоит в том, что я слишком часто хожу в театр!.. Хожу с детства, пересмотрела все до одной постановки – потому и не вышла замуж!.. И теперь вот сижу дома одна, плачу, а как время подойдет к семи часам, собираюсь и иду

в театр. Так вот и живу, мои дорогие современники, днем хожу в поисках по городу, а вечером иду в театр... Жизнь себе я разрушила потому, что на сцене вижу красивых людей – страстных, с высокими принципами, с пылкой любовью, просто не могу, дорогие мои современники, отвести от них глаз!.. А как выйду утром в город их искать – ни одного такого, ну, хотя бы наполовину такого, не нахожу!.. И не то, чтобы я мало искала, ищу их везде и всюду: и в трамваях, и в автобусах, и в учреждениях, и по домам ищу, но таких прекрасных нет нигде!.. Так где же они, скажите, дорогие мои современники!.. Может, ходят по каким-то особым подземным переходам? По улицам и переулкам, которые мне не известны?.. Может, вы знаете специальное место, где они собираются, – люди, каких мы видим каждый вечер на сцене театра?.. Их не может не быть, ведь искусство – это отражение жизни!.. Значит, они есть, они где-то поблизости, рядом... просто я не могу их найти!.. Помогите же мне, мои современники, скажите – где они?!.. Ведь уж и старость не за горами, жизнь проходит, я больше не желаю жить в одиночестве... старой девой... дорогие мои современники!..

ДИРЕКТОР (*тихо*). Мне очень жаль... эту проблему... мы...

(*Разводит руками. Женщина уходит со сцены.*) Есть еще проблемы?..

Нет?.. Можем начинать. Дайте свет. Начинаем!

Свет на сцене вновь тускнеет. Сумрачный зимний вечер. Дует холодный пронизывающий ветер. Густой снег засыпает склоны и вершины гор. Смеркается. В сумерках возникают силуэты двух мужчин в длинных пальто и надвинутых низко на лоб шляпах. Оба держат руки в карманах. Незнакомцы осматриваются. Издалека доносится волчий вой...

ПЕРВЫЙ. Дует...

ВТОРОЙ. Зимой в горах всегда так... *(Пауза. Вой доносится снова – во второй и третий раз.)*

ПЕРВЫЙ. Воют...

ВТОРОЙ. Изголодались... *(Пауза.)*

ПЕРВЫЙ. Какие большие сугробы...

ВТОРОЙ. Для нас другого выхода нет.

ПЕРВЫЙ. Огонька не найдется? *(Достает сигарету.)*

ВТОРОЙ. Вот, возьми. *(Протягивает зажигалку, оба закуривают.)*

ПЕРВЫЙ. Далеко ли до Бели Искр?

ТРЕТИЙ *(Появляется неожиданно, подходит медленно, смотрит многозначительно)*. Доброго здоровья!..

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ. Дал Бог добро!..

ТРЕТИЙ *(осматривается)*. Дует...

ВТОРОЙ. Зимой в горах всегда так. *(Слышен вой волков.)*

ТРЕТИЙ. Воют...

ПЕРВЫЙ. Изголодались... *(Пауза.)*

ТРЕТИЙ. Какие большие сугробы...

ВТОРОЙ. Для нас другого выхода нет.

ТРЕТИЙ. Огонька не найдется?

ПЕРВЫЙ. Вот, возьми. *(Протягивает зажигалку, закуривают.)*

ТРЕТИЙ. Далеко ли до Бели Искр?

Неожиданно их разговор прерывает голос из публики. В середине зрительного зала поднимается мужчина с сердитым видом.

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Может, хватит? Дался вам этот Бели Искр!.. Довольно нас дурачить!.. Надумали показать театр – давайте, показывайте!..

ПЕРВЫЙ (*с обидой*). Так ведь мы именно это и делаем!..

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Делаете!.. Вижу, как же – волки, сугробы... Вы бы хоть глянули на себя – да кто в такой одеже в горы-то ходит? Еще и шляпы нацепили! Да разве ж это театр?

ВТОРОЙ. А вы не вмешивайтесь. С какой стати вы лезете? Мы ведь не суем нос в ваши дела!.. Сидите молча и смотрите!

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Я-то смотрю – да только мне от ваших тупостей уже тошно. "Дует, воют, огонька не найдется"... Да вы что – нас за идиотов держите? Сами-то вы вообще, кроме Софии, где-нибудь бывали? Знаете, как живут наши люди? Вы что – газет не читаете?..

Небось из клуба в клуб, с халтуры на халтуру, разве не так?..

Огляделись бы маленько, посмотрели вокруг себя – где они теперь есть, эти ваши волкови? А? Может, в Киноцентре? Там воют?! Перед кассой!..

ПЕРВЫЙ. Видите ли... Алло!.. Раз ничего не понимаете в искусстве, так помалкивали бы!..

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Да чего понимать-то, уж куда как у вас все наворочено: три недоумка спотыкаются на сцене и мелют глупости.

ДИРЕКТОР (*появляется*). Очень вас прошу! Соблюдайте тишину! Мы из-за вас не можем продолжать спектакль!

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Какой спектакль – это цирк!.. Дуриите нам головы!..

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ (*поднимается в другом конце зрительного зала*). Да вы поймите, они играют вовсе не это!.. На первый взгляд –

одно, а на самом деле – совсем другое... И оставьте в покое этих волков – волки всего лишь символ!..

ДИРЕКТОР. Прошу вас!..

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Да какое там другое, вы что – не видите: "Воют, дует, снимают рукавицы"?.. Другое!.. Я заплатил за билет, три лева дал – и мне не нужно другое. Мне нужен театр.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Тогда сидите дома – перед телевизором!.. Нам надоели элементарные рассуждения! Опостылел массовый вкус! Тут подтекст! Этому вас должны были научить в начальной школе!

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Под что тут – не знаю, но могу сказать одно: я из села Бели Искр, и там такого нет.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Ну так что, если нет?

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. А то, что правды нам не говорят.

Вешают лапшу на уши.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Какой правды?

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Как какой? Сто правд разве бывает?

ДИРЕКТОР. Прекратите!.. Прошу прекратить!..

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Вы не тянете даже на экзистенц-минимум.

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Может, на это самое я и не тяну, но волков у нас в Бели Искр нет. И таких недоумков тоже.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Вы абсолютный примитив. Искусство – это не просто отражение жизни. Как сказал Шагал, если в искусстве нет чего-нибудь ирреального, то оно не реально.

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Пускай приезжает в Бели Искр, тогда и поговорим.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Шагал – в Бели Искр?!.. Господи!!

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. Ну что – "Господи", что – "Господи"!.. Я пришел сюда из Бели Искр смотреть театр, а они мне показывают Бели Искр!.. И еще дал три лева!.. Где это видано?! Держат нас за идиотов!.. Раз мы из Бели Искр, значит, мы ирреальны – так выходит?

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Не нравится – можете уйти.

ЖИТЕЛЬ СЕЛА БЕЛИ ИСКР. И уйду... Не могу больше сидеть и тарашиться на то, как эти тут дымят!.. И держат нас за дураков!.. Театр, называется!.. (*Уходит.*)

ДИРЕКТОР. Тишина! Умоляю вас!.. Продолжаем! (*Подает знак.*)

Идет снег. Слышен вой волков. Вокруг одни сугробы. Трое актеров повторяют мизансцену.

ПЕРВЫЙ. Далеко ли до Бели Искр? (*Осматривается.*)

ВТОРОЙ. Далеко ли до Бели Искр? (*Осматривается.*)

ТРЕТИЙ. Далеко ли до Бели Искр? (*Осматривается.*)

В этот момент под громкие звуки музыки в театр вваливается свадьба...

КУМ. Наконец-то!.. Ух, мать честная!.. Меня аж потом прошибло!..

Такого еще отродясь со мной не было: один перевал закрыт, поворачивай на второй, на третий, а там покрывка лопнула да еще дорожный патруль прицепился: мол, где это видано, чтобы в автобусе на пятидесяти местах ехали восемьдесят душ... Да откуда они взялись – восемьдесят, говорю я ему, там больше места занимают оплетенные бутылки с вином, ну, давай не будем, ладно, признаю, твоя правда, бери две бутылки – и все будет как положено... убавим, так сказать... Но все

это были семечки по сравнению с Софией: тут проезд закрыт, туда нельзя на автобусе, эта улица с односторонним движением, та – только для "Мерседесов", третья – в ремонте, на четвертой автобусу не развернуться, въехали в витрину... поворачивай налево, давай опять назад... С этой стороны на нас кричат, с той – свистят, там штрафуют... С ума сойти!.. Дошло до того, что шофер вылез из кабины, сел на асфальт и говорит: "Пускай везет кто хочет! А я пошел обратно!.." Пришлось и за руль сесть! Да будь на моем месте сам Господь Бог, и тот бы опоздал... Ну, ничего, мы наверстаем! Вы, как я вижу, уже перевели дух, а?.. Гляди-ка, что для нас приготовил сват – снег сыплется точно мелкий жемчуг!..

ДИРЕКТОР. Послушайте, добрый человек, вы кто?

КУМ. А, метрдотель!.. Скажи, дорогой, где же сват? А то мы малость припозднились.

ДИРЕКТОР. Я вас спрашиваю, кто вы такой.

КУМ. Как кто? Я кум!! (*Оркестр начинает играть, девушки запевают песню.*)

ДИРЕКТОР. Какой еще кум? (*Оркестр играет, девушки поют.*) Стоп! Стоп!..

КУМ. Как – какой? Каратанасов! (*Пауза.*) А где же сват?

ДИРЕКТОР. Какой сват?

КУМ. Как – какой? Да сват же, сват – родня нашей Цонки... Это ее мы тут выдаем замуж!.. (*Оркестр опять начинает играть, девушки запевают песню.*)

ДИРЕКТОР. Стоп!.. Стоп!.. Каратанасов, вы перепутали адрес! Здесь нет никакой свадьбы!..

КУМ. Ничего не перепутали – сват нам набросал схему! Вот гляди – это улица Раковска?.. Раковска!.. Сворачиваешь в боковую улочку – и тут сразу!..

ДИРЕКТОР. Наверно, вам нужен венгерский ресторан – напротив!..

КУМ. Нет, не венгерский, мы там были... Тоска зеленая, пятеро цыплаков пиликают на скрипках... Нет, это здесь! И народу, я вижу, душ пятьсот или шестьсот – именно столько мы звали... Только родню! (*Окидывает взглядом зал.*)

ДИРЕКТОР. Каратанасов, что ты несешь? Не видишь разве, здесь театр! Или на тебя это не производит впечатления?

КУМ. Ну и что, если театр? В самый раз! Не будут путаться под ногами разные подавальщики! Театр – так театр! Нечего меня пугать!..

ДИРЕКТОР. Да пойми же ты: в театре не играют свадеб!

КУМ. О! Ты просто не знаешь нашего свата. Он, если потребуется, само Народное собрание возьмет внаем. Ему только поставь задачу. Отступать – не по нем. Кругом – и опять вперед. Ты лучше позвони своим начальникам и спроси: сдали они театр в аренду под свадьбу нашей Цонки. А то ведь человек может пострадать только по причине дезинформации.

ДИРЕКТОР. Немедленно освободите помещение!!.. Сразу же!!..

КУМ. Это легче всего, да только ты сперва выясни, а тогда уж нас гони! У тебя дети-то, небось, тоже есть хотят!

ДИРЕКТОР. Мне нечего спрашивать, я сам знаю.

КУМ. А ты спроси-ка, спроси! За спрос денег не берут! Спроси, чего бояться?..

ДИРЕКТОР. Видишь ли, здесь давно уже должен был начаться спектакль. Сцена не должна пустовать, публика разоидется!.. Пока я буду выяснять, здесь такое сотворится ...

КУМ. Да кто тебе сказал, что она будет пустовать. Мы ее сейчас заполним, нам это раз плюнуть!.. Эти, которых я привел, половину Болгарии веселят, уж как-нибудь управятся с одним театром!..

Попурри... букет из нашенских песен!..

ДИРЕКТОР. О, нет, нет! Это уж слишком! Никаких песен! Так больше продолжаться не может. Объявим антракт, все обсудим, спросим, договоримся и после этого продолжим. Это же ни на что не похоже. Антракт! Антракт, опускай занавес!..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Когда Директор с Кумом возвращаются на сцену, они застают там отца невесты. Бай Цончо восседает на троне в царской мантии, с короной на голове. Возле стоит Йовчо в камзоле придворного вельможи. Оба распивают ракию и закусывают салатом из помидоров. Позади трона по сцене расхаживают свадебщики в костюмах разных сценических героев

ДИРЕКТОР. Это еще что за безобразие? Кто этот тип? Кто разрешил?

КУМ. Это папаша невесты, бай Цончо, старейшина нашего рода. Наша опора!.. Человек народный!..

ДИРЕКТОР. Ну и что, если он человек народный! С какой стати он расселся на троне? Почему в этом одеянии? И что это за базар? Что эти делают на сцене?

БАЙ ЦОНЧО. Да здесь вроде как поспокойнее, там внизу уж больно многолюдно...

ДИРЕКТОР. Хорошо спокойствие! .. Ведь они разграбили весь наш гардероб!..

БАЙ ЦОНЧО. Что с них взять – народ. Разбрелись по всему театру, наткнулись на ваш гардероб – вот каждый и напялил на себя, что ему по душе... Те же дети. И, как ни удивительно, каждый тянет к себе корону. А в то же время каждый в анкете пишет, что он "из бедной, но прогрессивной семьи"... Ты бы видел: в драку лезут из-за этой короны, чтоб ей пусто было. Вот и Йовчо, который в самом деле из бедной, но прогрессивной семьи, – ухватился за эту корону, не выпускает из рук. Да ведь ты, говорю ему я, и правда из прогрессивных, с какой же радости ты в нее вцепился? А он: "Есть и прогрессивнее меня, пускай те бросят". И ну лягать этих более прогрессивных по коленкам... Цирк – да и только!.. Напоследок, чтобы их утихомирить, я взял эту корону себе. Да, жалко, вы мало играете царей – это ваше слабое место. Вот у киношников – у тех царей хоть пруд пруди!.. А у вас всего одна корона – кому наперед!..

ДИРЕКТОР. Еще не хватало, чтоб вы нам указывали, кого играть!

БАЙ ЦОНЧО. Каратанасов, да в чем дело? Этот человек, сдается, чем-то недоволен. Вы спросили, дал ли театр согласие на свадьбу моей Цонки?

КУМ. Спросили.

БАЙ ЦОНЧО. И что же?

КУМ. Да никто ничего не говорит. Каждый отвечает: "Спроси выше!"

Он спросил выше, еще выше – а потом у него кислород кончился.

(Кивает на Директора.) До таких верхов мы дошли...

БАЙ ЦОНЧО. И что же?

КУМ. А ничего. Сказали: "Спрашивай тех, что выше!"... А кислород-то уже кончился. Настолько хватило. И это его притесняет. Потому что – ни так, ни этак...

ПЕЧО (*вбегают*). Слушай, Кара, дорогой, иди скорее, призови их к порядку – над нами уже смеются... Пьют, орут песни, еле на ногах держатся, будто тут не театр, а корчма. Вырядились все как на Заговенье... театр кишмя кишит графами, графинями... И чего я связался с этими дармоедами, с этими хапугами да рвачами!.. Уж бывают чудеса на светедиво, но такая небывальщина и во сне не привидится!..

ЙОВЧО. Ладно, Печо, перестань, мы-то с тобой как-никак родня!..

ПЕЧО. Это с кем родня? С тобой, что ли – живоглотом из живоглотов?! Куриный царь!.. У тебя в птичьем хозяйстве двадцать тысяч несушек! С одних яиц еженедельно четыре тысячи левов имеешь!..

БАЙ ЦОНЧО. Печо!..

ПЕЧО. Чего – Печо?.. Да ты хоть бы раз купил книгу, позаботился о духовном... Все загребаешь, копишь, дом ломится от добра, а в голове шаром покати!.. До чего мы докатимся с такими живоглотами, а, бай Цончо?

БАЙ ЦОНЧО. Ты бы попридержал язык, слышь, Печо!..

ЙОВЧО. Нет, этот не из нашего рода! Его подменили! В роддоме подменили!

ПЕЧО. У него вот денег куры не клюют!.. А у нас, духовных вождей нации, ветер свистит в кармане!.. Куда мы катимся, бай Цончо?

ЙОВЧО. Бай Цончо, скажи ему, чтоб замолчал, а не то жахну его бутылкой!.. Можно ли так, принародно... городить такое... Эти, из хознадзора, тоже ведь ходят в театр...

ПЕЧО. А что – разве это неправда?

БАЙ ЦОНЧО (*вздыхает*). Принесите прутья!.. (*Молчание, все переглядываются. Приносят пучок прутьев.*)

ПЕЧО. Значит: сказал правду – сразу пороть!..

ДИРЕКТОР. Прошу вас, драться прутьями во вверенном мне театре не позволю. Так и знайте!

БАЙ ЦОНЧО. Ты не вмешивайся. Дай сюда!.. (*Ему подают один прут, он пробует на гибкость.*) Печо!.. Подойди-ка. (*Печо неохотно подходит.*) Переломи!

ПЕЧО. Бай Цончо...

БАЙ ЦОНЧО. Говорю тебе – сломай. (*Печо неохотно переламывает прут.*) Йовчо...

ЙОВЧО (*с готовностью*). Слушаю.

БАЙ ЦОНЧО (*достаёт из пучка другой прут*). А теперь ты переломи. (*Йовчо переламывает.*)

Печо демонстративно топает ногой, этот ритуал ему явно давно известен и надоел. Йовчо от старания высунул кончик языка.

БАЙ ЦОНЧО. Дайте пучок. (*Ему подают пучок прутьев.*) Переломи их, Печо! (*Печо неохотно берет в руки пучок, безуспешно пытается переломить его и возвращает пучок.*)

ПЕЧО. Не могу.

БАЙ ЦОНЧО. Ну, а теперь попробуй ты, Йовчо. *(Протягивает ему пучок.)*

ЙОВЧО *(усердно пытается сломать прутья)*. И я не могу.

БАЙ ЦОНЧО. А почему? Ну-ка скажи, Печо?

ПЕЧО. Потому что их много.

БАЙ ЦОНЧО. Не потому, что много, а потому, что они едины. Вот так и мы, наш народ, должны быть едиными. А не то – один по одному нас сломают. Ну, а теперь поцелуйтесь!

С трудом сдерживая взаимную неприязнь, Йовчо и Печо подходят друг к другу, обнимаются и целуются. Печо вытирает губы.

БАЙ ЦОНЧО. Вот такими хочу вас видеть – едиными и сплоченными.

Ну, Йовчо, а теперь пошли!.. *(Выходит в сопровождении Йовчо.)*

КУМ *(Директору)*. Ну, что ты теперь скажешь? Разве мы не великий род?!..

ПЕЧО *(кричит)*. Нет, это уже ни в какие ворота не лезет!.. *(Кум и Директор оглядываются.)*

ДИРЕКТОР. В чем дело? Что там случилось?

ПЕЧО. В том-то и дело, что ничего не случилось. И ничего не случается. Остались на бобах и чего-то ждем. И заполняем список.

ДИРЕКТОР. Какой еще список?

ПЕЧО. Любая нормальная нация при угоне самолета какие условия выдвигает? Освободить пять или шесть человек, разве не так?.. А наш человек, если ему удастся угнать самолет, знаешь, какие ставит условия?

ДИРЕКТОР. Какие же?

ПЕЧО. Посадить в тюрьму хотя бы человек десять – сослуживцев, приятелей, начальников... У каждого в кармане лежит список. И каждую неделю он добавляет к нему новые имена. Не то, чтобы он надумал угнать самолет, – для этого дела нужен кураж, а так, на всякий случай, чтоб не прогадать, если вдруг окажется в самолете... который угнали другие... Чтобы иметь при себе этот список и присоединиться к требованиям!.. Мы всегда присоединяемся к требованиям!.. Действуют другие, а мы присоединяемся... На днях читаю в газете: опять нашелся человек, который совершил кругосветное плавание! Одинокий мореплаватель! На какой-то там яхте! И доказал величие человеческого духа!.. А возьми хотя бы нашего Йовчо – что доказывает он?.. Нет, у нас хватает пороку разве что на бройлеров!..

ДИРЕКТОР. А вот вы сам – вы же не занимаетесь разведением цыплят, почему бы вам не совершить кругосветку?

ПЕЧО. Сказать – почему?

ДИРЕКТОР. Да, скажите...

ПЕЧО. А когда? Я же каждый божий день на работе. Ты можешь себе представить: вот я прихожу к директору и говорю ему: так, мол, и так, я отправляюсь в кругосветное путешествие. Так он же первым делом, после того как велит мне измерить температуру, спросит, по какой линии я собираюсь это сделать. И что я должен буду ему ответить – да так, мол, по частной линии: во имя величия человеческого духа!.. И все – я прогорел тут же, в кабинете, стоя возле фикуса!.. Трудовой кодекс дает мне право на два месяца отпуска – один платный и один неоплачиваемый. Попробуй-ка – соверши кругосветку за два месяца. Причем один – за свой счет.

ДИРЕКТОР. Я не намерен. Мне на воде делается плохо.

КУМ. Ну чего ты пристал к человеку!..

ПЕЧО. Ладно, скажем, я уволюсь с работы. Во имя величия человеческого духа. Оставлю дома голодных детей. Как ты думаешь, что будет дальше?

ДИРЕКТОР. Не знаю.

ПЕЧО. Я не найду яхты. Все яхты как сквозь землю провалятся. На них прогуливают... всяких там... А если каким-то чудесным образом найдется яхта, то она окажется неисправной, требующей ремонта, а ты знаешь, как делаются ремонты у нас.

ДИРЕКТОР. Насчет ремонта ты прав. С ремонтами нам что-то не везет... Наш театр уж с каких пор числится на очереди...

ПЕЧО. А попробуй найти карту океана с обозначением муссонов, пассатов и разных там гольфстримов – такой карты нет. Если же и достанешь, то в ней полно ошибок. И буду я потом блуждать в океане между Огненной землей и Новой Гвинеей пока меня не съедят акулы. Или людоеды. Или дикие звери. Непременно кто-нибудь да съест, без этого не обойдется, я это точно знаю. И при таком положении как прикажете трогаться в путь! Какой нормальный человек на это решится? (*Из толпы свадебщиков доносятся возгласы: "Печооо! Печооо!"* ...) Послушай, дорогуша, если через полчаса мы не начнем, то знай – я пас! (*Уходит.*)

КУМ. А? Ну как вам это? Тоже мне... Интеллектуал!..

В эту минуту в зрительном зале вскакивает с места женщина, которая в первом действии вела спор, ссылаясь на Шагала. Она очень раздосадована.

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Мы что – это будем смотреть?.. Этот примитивизм?.. Почему вы не возвращаетесь к спектаклю?.. В конце концов, гоните этих прочь!.. Мы пришли сюда смотреть спектакль!..

ДИРЕКТОР. Ситуация у нас, видите ли, сложная...

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Не вижу ничего сложного. Гоните их... и продолжайте спектакль. Хватит за глаза этих глупостей, этих выходов балканских простаков. Куда делся живой человеческий дух? Как-никак – на исходе двадцатый век!

КУМ (*который только теперь опомнился*). Это мы простаки? Это у нас – балканские выходы? Значит, народ, который вас кормит и одевает, по-вашему – простаки?.. Когда мы привозим для вас на рынок перец, помидоры, то мы не простаки, а когда пришли в театр, то нас можно оскорблять, обзывать – так получается?

ДИРЕКТОР. Каратанасов, не вступай в пререкания! (*К Женщине-символу*.) Прошу вас, войдите в наше положение!..

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. И не подумаю! Я уже целых тридцать лет только то и делаю, что вхожу в чье-нибудь положение!.. Почему никто не желает войти в мое положение!..

КУМ. Попробуй войти – да ты посмотри на себя, какая ты есть!..

(*Смеется.*)

ДИРЕКТОР. Каратанасов!..

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Будет ли когда-нибудь конец этому безобразию?! Театр-то ведь государственный!..

КУМ. А государство чье? Народа!

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Прекратится ли в конце концов этот кич?!

КУМ. Сама ты кич!..

ДИРЕКТОР. Каратанасов!

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. И это называется – Театр сатиры.

ДИРЕКТОР. Ну зачем ты, Каратанасов, споришь с публикой? Люди правы, они пришли в театр. Мы не можем с ними так поступать.

КУМ. А то, что она оскорбляет народ, эту обиду, по-твоему, мы должны проглатывать? Как бы ты себя чувствовал, если бы тебе сказали, что ты кич?

ЖЕНЩИНА-СИМВОЛ. Халтурщики! *(Уходит.)*

КУМ. Не обращай внимания, начальство! У нее чердак не в порядке. Да, а мне вот от злости есть захотелось. А ты не проголодался?.. Эй, Минчо, Минчо!.. *(Минчо появляется.)* Принеси-ка нам чего-нибудь перекусить, а то гастрит не прощает голодухи!..

МИНЧО. О`кей!.. *(Выходит.)*

Неожиданно раздается грохот двух выстрелов. На сцену выбегает Цонка в сопровождении толпы свадебщиков, которые с перепугу разбегаются по углам в поисках укрытия. Цонка прячется за спину Директора. Миг спустя на сцену поднимается Георги с ружьем наготове. Все попрятались и притихли.

ГЕОРГИ *(делает знак рукой)*. Посторонись!

ЦОНКА. Георги, не делай этого!..

ГЕОРГИ. Посторонись, а не то выстрелю!..

ДИРЕКТОР. Сдаюсь! *(Поднимает руки.)*

ЦОНКА. Гош!

ГЕОРГИ. Молчать! *(Директору.)* Отойди, кому говорю, не то уложу на месте обоих!..

ЦОНКА. Жор!..

ГЕОРГИ. Молчать!.. Ты молчи...

ЦОНКА. Жор, ты ведь не такой, Жор, ты ведь не забыл, как поцеловал меня первый раз!.. Нам было по семь лет, Жорик!.. На тебе была матросская курточка!..

ГЕОРГИ. Замолчи! *(Прицеливается.)*

ЦОНКА. А помнишь двор школы, ограду, помнишь пионерский лагерь, где мы поклялись вечно любить друг друга?..

ГЕОРГИ. Больше ни слова! *(Директору.)* Отойди подальше!

ЦОНКА. А источник помнишь, где ты ловил луну в воде ладонями и потом давал ее мне? Ты же не мог без меня жить, Георги! Разве не я была для тебя первой и последней?

ГЕОРГИ. Сказал тебе – замолчи! *(Прицеливается.)*

ЦОНКА. Зачем же ты подарил мне колечко? И сказал, что нас ничто не сможет разлучить?..

ГЕОРГИ. Все! Стреляю!.. *(Целится. Директор поднимает руки выше.)*

Цонка неожиданно выступает вперед и заслоняет Директора.

ЦОНКА. Ну, тогда стреляй!.. *(Пауза. Георгий целится, но не стреляет.)* Стреляй, чего ждешь!..

Георги подходит ближе. Цонка тихо запекает грустную песню... Георги подтягивает, потом швыряет ружье и убегает со сцены. Цонка в обмороке. Все суетятся.

ДИРЕКТОР. Врача! Срочно нужен врач!

КУМ. Нет, бабу Керу! Это переполох! Зовите бабу Керу!

ДИРЕКТОР. Ну вот!.. А теперь – еще и призрак!.. Что это такое?

КУМ. Где?

ДИРЕКТОР. Да вот это! Которое приближается!..

КУМ. А-а, это? Так это и есть баба Кера. Гостья с нашей стороны ... то есть со стороны невесты. Знахарка. Снимает порчу! Гадает на кофейной гуще... Всю правду скажет. Здравствуй, баба Кера!..

БАБА КЕРА. Это переполох! Принесите углей и два катышка козьего помета!

КУМ. Это директор театра.

БАБА КЕРА. Дай Бог ему еще пожить на этом свете. Вот только недолго это.

КУМ. Э-э, баба Кера, не пугай человека.

БАБА КЕРА. А он как – с нашей стороны?

КУМ. Нет, он директор театра, вот этого!.. *(Делает широкий жест рукой.)*

БАБА КЕРА. Значит, со стороны жениха? Ну, выходит, я правду сказала. Да пускай не пугается, может, еще и обойдется. Дечо, ну что там с козьими катышками?

ДИРЕКТОР. Баба Кера, а что это у тебя в мешке – на спине?

БАБА КЕРА. Шерсть.

ДИРЕКТОР. Для чего же ты носишь ее с собой? Это что – подарок?

БАБА КЕРА. Да она тянет на сорок кил.

ДИРЕКТОР. А тебе-то она на что?

БАБА КЕРА. Сказала же – сорок кил.

ДИРЕКТОР. Слышу я, слышу, но зачем ты ее носишь?

БАБА КЕРА. Слышать-то ты слышал, да ничего не уразумел. Я же сказала: целых сорок кил.

ДИРЕКТОР. Понял, понял! Но что ты с ней будешь делать?

БАБА КЕРА. А что можно делать с таким ворохом шерсти? Сдам за "Унесенные вихрем".

ДИРЕКТОР. Да зачем тебе понадобились "Унесенные вихрем"?

БАБА КЕРА. Для образования.

ДИРЕКТОР. Для какого образования?

БАБА КЕРА. Среднего.

ДИРЕКТОР. А ты что – в твои годы образовываться решила?

БАБА КЕРА. Это для внука. Никак не может перейти в пятый класс. зубрит, зубрит, а толку никакого.

ДИРЕКТОР. Чем же ему помогут "Унесенные вихрем"? Там совсем другая тематика!..

БАБА КЕРА. Он-то и впрямь ничему не научится, да уж так нынче принято: за "Унесенные вихрем" ставят тройку. В Тырново, если поторговаться, можно выхлопотать две, а то и три тройки: город-то окружной, там больше читают.

ДИРЕКТОР. И ты, значит, ему выправляешь отметки?

БАБА КЕРА. А что с ним делать? Только вот овцы у меня перевелись. Эта была последняя. *(Входит Кум. Он несет козьи катышки. Баба Кера колдует. Цонка приходит в себя.)*

ЦОНКА. Дядя Дечо, кончай со свадьбой, не могу я – любовь...

КУМ. Ишь ты – любовь! Да кабы она чего-нибудь стоила, ее бы продавали за валюту!.. И не подумаю кончать!

ЦОНКА. Не могу я – и все! Георги!.. Георги!.. Где ты, Георги?!.. *(Убегает.)*

КУМ. Эй, начальство, дай мне ключ от кабинета, звякну по телефону свату, дело-то, наше труба. *(Уходит.)*

ДИРЕКТОР. Баба Кера, может, погадаешь? А?

БАБА КЕРА. На бобах или на кофейной гуще?

ДИРЕКТОР. Безразлично.

БАБА КЕРА. Нет, не безразлично.

ДИРЕКТОР. Да ладно, какая разница – бобы или кофейная гуща?..

БАБА КЕРА. Разница... я тебе сейчас скажу, какая... *(Достает счетную машинку и подсчитывает.)* Семь долларов пятнадцать центов.

ДИРЕКТОР. Что-о-о?!

БАБА КЕРА. Семь долларов пятнадцать центов. Разница.

ДИРЕКТОР. Погоди, это как же?..

БАБА КЕРА. На бобах пятьдесят два доллара, а на кофейной гуще – сорок четыре доллара восемьдесят пять центов. Разница – семь долларов пятнадцать центов.

ДИРЕКТОР. Да ты разве в долларах берешь?

БАБА КЕРА. Если есть марки – тоже годятся. Только западные, вестдойч.

ДИРЕКТОР. Хочешь сказать, что гадаешь за валюту?

БАБА КЕРА. За валюту, милок, за валюту.

ДИРЕКТОР. Но с какой стати за валюту! Где это видано?

БАБА КЕРА. Материалы-то, сынок, из-за бугра: бобы, кофе ... все это за валюту. А то как же... Мы-то ведь все ввозим...

ДИРЕКТОР. Так уж и все... Вон у тебя даже счетная машинка есть!..

БАБА КЕРА. Машинка есть, а бобов нету!..

ДИРЕКТОР. Э, у каждого чего-нибудь да нету. Вот у меня, например, нету валюты.

БАБА КЕРА. Коли нету, то и гадать не стану.

ДИРЕКТОР. Ох, бабуля... Выходит, ты тоже выполняешь план по валюте?

БАБА КЕРА. Жизнь заставляет, милоч.

Телефонный звонок.

ДИРЕКТОР (*в трубку*). Алло! Да! Что – махинации с валютой?! Суеверие? Хаос? Нет, нет!.. Ничего такого!.. Что? Мне больше нечего беспокоиться? Почему? Как так – уволен? Да! Да! Я понял. По взаимному согласию! Понял! Всего хорошего!.. (*Возвращается.*)

КУМ (*входит*). Дело швах, начальство. Никто не берет трубку.

ДИРЕКТОР. Я больше не начальник, меня уволили.

КУМ. Ба! Когда же они это провернули? Телеграфически?

ДИРЕКТОР. Нет, по телефону.

КУМ. Ну, тогда я пошел искать нового. Так дальше продолжаться не может. (*Уходит.*)

ДИРЕКТОР. Значит, пятьдесят два доллара стоит одно гадание? Я вот как директор получал намного меньше. Может, и мне попробовать, а? Что ты скажешь?

БАБА КЕРА. Попробуй, милоч, попробуй. Не выйдет, попробуй опять, как сказал наш поэт Петко Славейков.

ДИРЕКТОР. Дай-ка мне руку... Так... Вот это – линия жизни. Значит, лет тебе сейчас шестьдесят шесть...

БАБА КЕРА. Ох, милоч, вот и не угадал... Столько лет мне было тогда, когда кока-кола была алкоголем.

ДИРЕКТОР. Каким еще алкоголем?

БАБА КЕРА. Метилowym. Ракией. Так писали в газетах. А потом стала лимонадом.

ДИРЕКТОР. Я этого не припоминаю, но с виду ты намного моложе, значит, обманула... Ладно, продолжим. Вот здесь на ладони написано, что твой муж на пять лет старше тебя!..

БАБА КЕРА. Сразу видно, что гадаешь задаром. Он помер, милок. Помер еще тогда, когда биттлсов считали упадком и буржуазным влиянием. А теперь они борцы за мир.

ДИРЕКТОР. Очень странное у тебя летоисчисление, бабушка!..

БАБА КЕРА. Так ведь все церковные праздники отменены, храмовые праздники – тоже, как же нам тогда исчислять время?.. Вот так и исчисляем.

ДИРЕКТОР. Значит, так исчисляете?

БАБА КЕРА. А по-другому-то как? Один мой сын женился, когда манжеты на штанинах были под запретом. А другой – когда не позволяли носить штаны без манжет. Мой первый внук родился, когда громили кибернетику, а второй – когда запрещали генетику.

ДИРЕКТОР. И-и, бабушка, уж больно ты памятьлива!..

БАБА КЕРА. Памятлива, милок. Мало ли хлопот сваливалось на мою голову: узкие штанины приходилось перешивать на широкие, а широкие – на узкие. Из шляпы, бывало, мастерю колпак, а колпак опосля переделываю на шляпу. Бородатых делала безбородыми, а безбородых бородатыми.

ДИРЕКТОР. Да ты, бабушка, просто факир!

БАБА КЕРА. Труднее всего было с Пенчо Славейковым.

ДИРЕКТОР. А что же было с Пенчо Славейковым?

БАБА КЕРА. Сперва он был. Поэт, писатель, кандидат на Нобелевскую премию – "их было сто двадцать" – и все такое. Пенчо Славейков.

ДИРЕКТОР. Так. Что же потом?

БАБА КЕРА. А потом его прикрыли.

ДИРЕКТОР. Как это?

БАБА КЕРА. А вот так. Нету, говорят, никакого Пенчо Славейкова – и точка.

ДИРЕКТОР. А почему?

БАБА КЕРА. Да кто ж тебе скажет. Прикрыли – и все. А после опять открыли. То открывают, то закрывают – как министерство!..

Телефонный звонок.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР (*выходит на сцену, направляется к телефону*).

Да! У телефона Стефанов, директор. Да!.. Слушаю вас!..Нет, нет!..

Никакие антинародные слухи не распространяются в массах!.. Да!.. Как можно веселее!.. Понимаю!.. Да, да, я слушаю... Не возобновлять старых дискуссий... Закрыть... Всего хорошего. (*Кладет трубку.*)

БАБА КЕРА. Что, его опять прикрыли?

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Кого?

БАБА КЕРА. А его – Пенчо Славейкова.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Послушай, баба Кера, забирай-ка ты свою шерсть, и чтоб я тебя здесь не видел. С какой стати ты тут тары-бары разводишь про Пенчо Славейкова! Народу нужен смех, понимаешь?..

Ему нет дела до Пенчо Славейкова.

БАБА КЕРА. Это народ тебе звонил по телефону?

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Ты, старая, мне ничего не говорила, и я ничего не слышал. Ну-ка, живо забирай свои манатки и – будь здорова.

БАБА КЕРА. Будь здоров и ты, милок. Да только уж какое тут здоровье – еле-еле душа в теле! И пожелай от меня здоровья народу... если опять позвонит... (*Уходит.*)

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Гасите свет. Начинаем.

На сцене опять трое незнакомцев. Они пьяные. Идет снег.

ПЕРВЫЙ. Тихий белый Дунай...

ВТОРОЙ (*доверительно*). Нет, Искр!..

ПЕРВЫЙ. Что?

ВТОРОЙ. Искр! Не Дунай!

ПЕРВЫЙ. Ах, да! Пардон!

ТРЕТИЙ. Белый!..

ПЕРВЫЙ. Что "белый" – знаю!..

ВТОРОЙ. Ветер свистит.

ТРЕТИЙ. У тебя в голове ветер свистит.

ПЕРВЫЙ. Без царя в голове!

ВТОРОЙ. Нет! Нужно было сказать: "Зимой в горах всегда так!"..

ПЕРВЫЙ. О-о! Пардон! Зимой в горах всегда так!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Доброго зоровица!

ПЕРВЫЙ. Дал Бог добро!

ЧЕТВЕРТЫЙ (*бодро*). Дует!..

ВТОРОЙ. Зимой в горах...

ТРЕТИЙ. ...всегда так!..

ЧЕТВЕРТЫЙ (*очень оптимистично, радостно*). Воют!..

ВТОРОЙ. Изголодались...

ПЕРВЫЙ. Я тоже проголодался...

ЧЕТВЕРТЫЙ (*блаженно*). Какие большие сугробы!..

ВТОРОЙ. Для нас нет другого выхода!

ТРЕТИЙ. Огонька не найдется? (*Достает сигарету.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ. Вот, возьми. (*Все трое закуривают.*)

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ (*в один голос.*) Очень благодарны!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Далеко ли до Бели Искр?

Входит Кум. Он ведет Инопланетянина.

КУМ. Послушай, начальство. Я тебя ищу везде и всюду.

ДИРЕКТОР. Я уже не начальник.

КУМ. Ладно. А этот, он что – из ваших? Не со стороны невесты и не со стороны жениха, вот я и подумал: наверно, это артист. Спрашиваю у нового директора, да ведь он их не знает. Знает только секретаршу.

Потому я и спрашиваю у тебя – артист он или нет.

ДИРЕКТОР. Да я тоже всех не знаю, но уверен: этот – не артист. А в чем дело?

КУМ. Да как тебе сказать... Гляжу я на него: он там в гуще нашей оравы ест, пьет – и ни в одном глазу. Меня вот тоже хмель не берет, небось, не возле минерального источника рос, но когда этот тип раздавил вторую литровую бутылку виноградной ракии, я себе сказал: пожалуй, если он будет так накачиваться и дальше, то наши свадебщики рискуют остаться без ракии... Гляжу: там все смешалось – графы, графини, ваши, наши, ну, думаю, этот не иначе как артист. Они мастера прикладываться к бутылке – работа такая... Но когда он

дерябнул четвертую литровую бутылку, тут я себе сказал: "Ну, Каратанасов, этот – будь он хоть народным артистом – не может столько выпить не моргнув глазом!" Во всей нашей области такого нету, а если бы и был, мы бы его знали, такое дарование не остается незамеченным... На всякий случай, думаю, покажу его начальнику, вдруг он и правда артист, как бы не разобиделся. Не хотелось бы опростоволоситься... Они, то есть люди искусства, народ обидчивый, из-за пустяка готовы надуться... А пока я так мозговал, он дербалызнул пятый литр!..

ДИРЕКТОР. Да что ты говоришь!..

КУМ. Осушил – и ни в одном глазу!

ДИРЕКТОР. Он, наверно, из Народного театра!..

КУМ. А потом а пригляделся, вижу: у него на один глаз больше!..

ДИРЕКТОР. Как это – больше?

КУМ. Да ты сам посчитай: рад, два, три!...

ДИРЕКТОР. Верно!..

КУМ. И ни в одном не двоится!!

ДИРЕКТОР. Да, ты прав!

КУМ. Я потому и привел его сюда, чтобы спросить на всякий случай. У нас-то таких – чтобы с тремя глазами – нету, а вот у вас в театре, думаю, может такие водятся... Как-никак – новые формы, новые поиски... Кто вас знает... все же искусство это... не шутка...

ДИРЕКТОР. Нет, у нас трехглазые не водятся.

КУМ. Тогда, значит, дело здесь в другом, пойду-ка поспрашиваю, откуда он взялся и почему так хлещет ракию. Я-то думал, он артист, и боялся, как бы не обидеть его... Эй, дружище, ты из каких мест?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Ипсилон бета семнадцать.

КУМ (*Директору*). Это где же? Может, в спальном районе "Младост-4"?

ДИРЕКТОР. Нет, скорее похоже на номер дома.

КУМ (*Инопланетянину*). Где это находится? Может, какое-нибудь селение с отмирающими функциями?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Третье кольцо Сатурна. Третья орбита.

ДИРЕКТОР. Ясно: молодежный комплекс "Орбита".

КУМ. Ты остановился в гостинице?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Звезда альфа, созвездие Кентавра.

КУМ. "Звонить два раза", так что ли?.. Пожалуй, его начинает разбирать. Послушай, добрый человек, у вас, в вашем районе, небось не гонят ракию, и ты явился сюда, чтоб вдребезги напиться на чужой свадьбе?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. У нас нет районов.

КУМ. Ну да. Ты еще скажи, что у вас нет единого регистра гражданского населения.

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Нет.

КУМ. Вы все еще продолжаете по старинке: "том, страница"?

ДИРЕКТОР. Каратанасов!!..

КУМ. Что?

ДИРЕКТОР. Ты так ничего и не понял?!..

КУМ. Понял. Он притворяется малахольным.

ДИРЕКТОР. Каратанасов, а ведь это инопланетянин!..

КУМ. Что-о-о?!

ДИРЕКТОР. Инопланетянин!.. С Сатурна. Ты присмотришь к его глазам!..

КУМ (*всматривается*). Ну?..

ДИРЕКТОР. Посчитай их!..

КУМ. Я посчитал!.. Их три!..

ДИРЕКТОР. Ну и?

КУМ. Ну и?

ДИРЕКТОР. Инопланетянин!!

КУМ. А что он делает на свадьбе нашей Цонки? Мы инопланетян не звали.

ДИРЕКТОР. Наверно, явился для установления контакта!..

КУМ. Контакта, говоришь? А почему тогда он хлещет нашу ракию?

Раз явился... почему бы ему нас не угостить!..

ДИРЕКТОР (*распалившись*). Слушай, Каратанасов, ну как ты не понимаешь, это – великое дело?!..

КУМ. Еще бы не великое: пять литров ракии выдул – и хоть бы хны!

ДИРЕКТОР. Далась тебе эта ракия, лучше давай установим контакт.

КУМ. Только пускай он угощает!..

ДИРЕКТОР (*Инопланетянину*). А как давно вы на нашей планете?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Два парапериода.

КУМ. Сколько?!

ДИРЕКТОР. А это чему равняется?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Двадцати семи спектральным квантовым синусам.

КУМ. Ясно.

ДИРЕКТОР. А где вы приземлились?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. В двух километрах от города Павликены.

КУМ. Возле придорожной корчмы? А знаешь, какую голову там кладут в похлебку из рубцов?!

ДИРЕКТОР. Каратанасов, ты соображай, что говоришь, ведь мы устанавливаем контакт с внеземной цивилизацией!.. Того гляди

опозоримся на всю галактику!.. Я предполагаю, что вы желаете поближе познакомиться с нашей цивилизацией?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Полные данные, спектральный анализ, гео- и биосфера, административное деление. Я обязан отправить полный отчет на Ипсилон бета.

КУМ. Ну, и?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Полный провал.

КУМ. Да ты что!..

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Я исследовал четыре галактики и несколько туманностей. И впервые ничего не могу понять. Это сверх моих возможностей.

КУМ. Бедолага!..

ДИРЕКТОР. А чего именно вы не можете понять?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Да ничего. Абсолютно ничего. Понимаете? Даже самого элементарного, того, что любой ребенок с Ипсилон понял бы уже на второй день. Однако в другом месте. Не здесь.

КУМ. Да ты не переживай, дружище, справишься!..

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Я не способен вникнуть. Это другой разум.

Другая логика. Дерево растет двести лет, а его срубают за две минуты.

Не могут жить без кислорода и ежечасно уничтожают его в огромных количествах. Рубят леса, чтобы делать бумагу, на которой пишут:

"Берегите лес!" Нет, это какой-то иной виток мышления, это за пределами паразнания, я не способен понять!..

КУМ. Ц-ц-ц! Бедолага!.. Трудно ему!.. Я-то, еще когда он сказал, что у них нету регистра, сразу усек, какие они отсталые!.. Ведь он в элементарных вещах не может разобраться!..

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Не могу. Потому и начал пить. Пью на свадьбах, на крестинах, пью и не знаю, что сказать Ипсилону.

КУМ. Ты вот пробыл всего два парапериода, а нам-то каково тут век вековать – ты спросил?!

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Не спросил.

КУМ. И правильно сделал. Но теперь давай-ка установим с тобой контакт. Ты говоришь, что приземлился возле Павликен?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. В двух километрах, к востоку.

КУМ. А каким это манером ты, дружище, очутился здесь, на свадьбе нашей Цонки?

ДИРЕКТОР. Каратанасов, не задавай неудобных вопросов.

КУМ. Когда ты устанавливал контакт, я не вмешивался, позволь теперь мне задавать ему вопросы. (*Инопланетянину.*) А? Дружище?!

ДИРЕКТОР. Ты дискредитируешь человеческую цивилизацию!..

КУМ. Да ты что – не видишь? Он нас морочит: вовсе не для того он сюда пожаловал, этим он нам глаза замазывает...

ДИРЕКТОР. Послушай, Каратанасов, мне совестно, что я человек!

КУМ. Разве не так, дружище?.. Так. Я по глазам вижу. Если ты мужик, то признайся!.. Раз ты приземлился возле Павликен, значит, ты наполовину наш земляк. А мы там все до одного – мужики что надо!..

ИНОПЛАНЕТЯНИН (*через силу*). Это верно.

КУМ (*Директору*). Вот видишь? Я как только его увидел, сразу смекнул: здесь что-то не так!.. Пить-то он пьет, а сам трех глаз с дверей не спускает. Ждет кого-то!..

ДИРЕКТОР. Это правда?

ИНОПЛАНЕТЯНИН (*тихо*). Правда.

КУМ. Да ты все выкладывай – полегчает.

ИНОПЛАНЕТЯНИН (*поколебавшись*). Я люблю Цонку.

КУМ (*хватается за голову*). Эхма!.. Докатились!.. Докатились!..

ДИРЕКТОР. Кого – невесту?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Это любовь. Не могу ничем заниматься. На сигналы с Ипсилон не отвечаю. Не сплю. Не ем. Но... Ее отец не дает согласия!..

ДИРЕКТОР. А ты просил ее руки?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Просил.

ДИРЕКТОР. А он что?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Говорит, что у него одна дочь, и он ее выдаст за столичанина. А у тебя, мол, вот будет дочь, тогда и выдавай ее за инопланетянина.

ДИРЕКТОР. Надо же, какие люди!.. Опозоримся на всю галактику!

КУМ. А сюда ты чего явился? Уж не надумал ли украсть невесту?

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Хотел увидеть ее в последний раз.

КУМ. А то я ведь заправила на этой свадьбе. И если ты надумал меня осрамить, то я тебя, хоть ты и с другой планеты, по головке не поглажу!..

ИНОПЛАНЕТЯНИН (*качает головой*). У нас воровать не принято.

КУМ. Значит, вы еще не доросли до этого. Ничего, еще есть время.

ДИРЕКТОР. Каратанасов!

КУМ. Я вот только одного боюсь – как бы через некоторое время не стали появляться на свет инопланетяне – такие махонькие, с тремя глазками, а?.. Вы с Цонкой случайно не того?..

ИНОПЛАНЕТЯНИН. Да вы что? Я посвященный – седьмой степени!..

КУМ. Кто тебя разберет – посвященный, непосвященный, я лучше загодя спрошу. А то опосля кинешься: царь далеко, инопланетянин –

высоко! Да ладно, ладно, не пялься на меня так своими тремя
глазищами, добро, верю тебе, давай-ка лучше выпьем за знакомство...
Однако у тебя губа не дура – инопланетянин, а в женских прелестях
знаешь толк... Цонка, говоришь?.. Седьмой степени!.. Расскажи кому-
нибудь другому!.. *(Выходят обнявшись.)*

ДИРЕКТОР *(направляется к телефону, который звонит)*. Алло!..
Что?.. Сумасшедший?.. Притворяется инопланетянином?! *(Пауза.*
Смотрит в сторону публики.) Алло! А вы откуда звоните?.. Откуда?!..
С третьего кольца Сатурна?!.. Ипсилон бета?!.. *(Слышатся раскаты*
грома. Директор стоит в изумлении, не выпуская трубки из рук.)

Звучит медленная мелодия. Все свадебщики поднимаются на сцену и замирают на
месте – кто стоит, кто сидит. Сцену озаряет зеленый свет, слышен шум
приземляющегося космического корабля, который заглушает все остальные звуки.
Цонка, взяв трубку из рук Директора, будто сонная разговаривает с
инопланетянами, которые находятся в космическом корабле.

ЦОНКА. Добрый день... я Цонка... Всегда ли хожу в белом?.. Нет... не
всегда... Сегодня, потому что выхожу замуж... По любви?.. А вот...
наш Каратанасов говорит, что ее нет... Нету, говорит, никакой любви,
довольно этой ерунды, если бы это было что-то стоящее, то ее бы в
корекومه продавали... Что такое кореком?.. Магазин такой... там
продают то, чего нет... Как продают, когда его нет?.. Да нет, его нет в
других местах, а там оно есть... Все дело в том, что за наши нельзя...
только за чужие... Да, и наши...они тоже покупают за чужие... Нет,
они не становятся чужими, они себе наши... что – вам непонятно?.. А
вот, например, дядя Йовчо – он наш, но у него они есть, потому что у

него птицеферма и... он может ездить туда... *(Передает трубку Йовчо.)*

ЙОВЧО. Да... Я этот самый Йовчо... да, развожу птицу... Двадцать тысяч их у меня... Нет, я их не ем, я куриного мяса в рот не беру... Что? Алло, плохо вас слышу, вы что-то заглохли... Что сделать? Нажать на межбровье? *(Нажимает.)* Теперь слышу... Да, я с завтрашнего дня... подарю своих несущек государству и поступлю учиться на заочный... чувствую, мне не хватает образования... А на деньги, какие у меня есть, построю детский дом. Вот увидите... Когда в другой раз прилетите, меня не узнаете!.. И не слушайте вы этого Печо... *(Передает трубку Печо.)*

ПЕЧО. Да?.. Я и есть Печо. Почему так?.. Да кто ж его знает... Все что-то мешает: то школу кончал, потом в армию забрали, а там – женитьба, дети пошли, работа на винограднике... Но когда вы подниметесь повыше, то увидите меня уже в океане... Заметите там белую точку – знайте, это я, Печо... Ничего, что Каратанасов не верит... *(Передает трубку.)*

КУМ. Каратанасов? Это я... Да как я могу верить, это невозможно. Человеку нельзя верить – так меня учили... Нет, я не такой... Эх!.. Знали бы вы, как мне хочется надеть белую рубаху и погнать отару овец в тысячу голов в горы, к самым что ни на есть тучным лугам у вершины Коджа... Да чтобы колокольчики бренчали, и ветер обдувал, и листва выводила коленца... Вот про это я и говорю Цонке. Ты, говорю, молодая, тебе и карты в руки... *(Передает трубку.)*

ЦОНКА. Я сейчас пошлю к черту и свадьбу и жениха, вернусь в село, к Георгию... Кто такой Георгий? .. Звеньевой. Выйду за него замуж, рожу ему детей, у нас с ним любовь еще со школы... Сидим, бывало,

обнявшись, смотрим на небо... (*Всхлипывая, запекает грустную песню... Все начинают подпевать.*)

СВАТ. Стоп! Стоооп! Довольно!.. (*Все замолкают, тишина.*) Эй, Кара, да вы в своем уме? Что вы здесь делаете?..

КУМ. Ты глянь наверх, там – зеленое. (*Указывает.*)

СВАТ. Зелень, Каратанасов, у тебя в голове. Где мой сват?

Все оглядываются, смотрят по сторонам, зовут: "Эй, бай Цончо!" Тот появляется.

БАЙ ЦОНЧО. Что такое? А, сват! Ну, здравствуй! А я тут подремал малость, в каких-то корзинах...

СВАТ. Да ты, сват, проспал самое главное! Ты бы послушал, что они здесь мололи взахлеб, все как один загорелись, все позеленели!..

БАЙ ЦОНЧО. Эх, сват, да ты только глянь на них – молодо-зелено, потому и загорелись они, а как доживут до наших лет, то им будет не до этого, имя свое с трудом вспомнят... Жизнь как возьмет в оборот...

СВАТ. Да ладно – молодые! В их годы Христо Ботев отряд повел в горы, как говорится, с голыми руками – против поработителя, а эти все у нас в молодых ходят. Вот и сейчас все провалили. Каратанасов, что вам здесь надо – в театре?

ДИРЕКТОР. Да я говорил ему, а он...

СВАТ. Эти люди способны превратить в посмешище мою самую гениальную идею. Как это можно – мы договаривались об одном, а вы что вытворяете! Ведь говорили, что вам все ясно, разве не так?.. (*Все молчат.*) Так всегда: заставь их Богу молиться, а они лоб разобьют!.. И мои работнички такие же: вырабатываем стратегию интенсивного овладения рынками Юго-Западной Африки, а они три года готовят

почву в Юго-Восточной!.. Там, где рынок уж давно завоеван!.. *(Пауза.)*
То же самое и со стихийными бедствиями!.. Ты требуешь не создавать паники, а они пишут, что никакого наводнения нет вообще. А самим воды уже по шею!.. При таком положении будь ты хоть семи пядей во лбу – все равно ничего не добьешься!.. Наполеон почему потерпел поражение в битве при Ватерлоо?.. Потому что он двадцать раз объяснял Груши: если французская кавалерия за два часа не сомнет правый фланг англичан, то нужно ударить с тыла. Груши все твердил: "Да, сир, да, сир!", но одним "да" битв не выигрывают. Думать надо, рассуждать!.. Причем по-новому!.. Просто диву даюсь, глядя на этих... *(Кивает в сторону свадебщиков.)* Они ведь даже и по-старому не рассуждают!.. А ты, Каратанасов, меня просто поражаешь: как можно не иметь сообразительности – ни капли!..

КУМ. Да долго ли ошибиться, сват, человек и на ровном месте может споткнуться...

СВАТ. Не должен!.. Не имеешь права спотыкаться!.. Сегодня побеждает тот, кто делает меньше ошибок!.. Довольно нам спотыкаться!.. Пока мы тут спотыкались, японцы шагнули в двадцать первый век!.. Больше никаких спотыканий!..

КУМ. Ясно, сват!..

СВАТ. А теперь давайте извинимся перед этими людьми за беспокойство, за недоразумение. Извините нас, что поделаешь – случается!.. Сами видите, с каким материалом приходится иметь дело!..

ДИРЕКТОР. Ну что вы, конечно же, мы принимаем ваше извинение!

СВАТ *(свадебщикам)*. Вы бы осмотрелись получше, как-никак интеллигентные люди!.. Вы читать умеете?.. Разве не видите, что это

совсем не тот театр?.. Чего же приперлись сюда?.. У вас что – солома в голове?!..

КУМ. Ну, будет тебе, сват...

СВАТ. Я же говорил: мы будем в опере. О-пе-ре!!.. Я арендовал оперу, там просторнее, здесь ведь – теснотища, нам не поместиться!.. Ну-ка, живо, пошли, мы только вас ждем! Все вино уже выпили!..

КУМ. Эхма!! (*Гремит музыка. Свадебщики под предводительством Свата с песней направляются к выходу...*)

ДИРЕКТОР. Ну что, мои современники! Вы все видели!.. А ведь мы уже тридцать лет пытаемся изображать светлые характеры, благородные страсти, возвышенные помыслы, желаем расхаживать по сцене со шпагами и задавать вопрос: "Быть или не быть?" и прихрамывать, как Сирано де Бержерак, а наша сцена чтобы купалась в гармонии и счастье, – но сами видите, что получается... Только начнем, чтоб и у нас было как у людей: зимний вечер – так зимний вечер, волки – так волки, и чтоб зима – почти как в Национальном театре: все вокруг красивое, белое, как вдруг на сцену врываются вот такие люди, как эти, и начинают бушевать такие страсти, что только диву даешься, откуда все берется. Ведь в жизни-то этого нет. И глядишь – вся красота пошла насмарку, на сцене попеременно какие-то непонятные старики, ревизоры, тут тебе и клоп, и велюровые пиджаки – суматоха и сплошной балканский синдром, и еще самая разная тьма нелепостей, смотришь – плакать хочется. А установка-то у нас совсем другая – нам не нужны слезы, нам нужен смех. И мы смеемся. С улыбками на лице и слезами в сердце встречаемся мы с нашими героями и боремся с ними, насколько хватает сил, как сказал один наш поэт. Видимо, такая уж наша планида: мы даже зиму по-человечески

изобразить не можем. Но – каждому свое. Наше – нам, ваше – вам.
Важно, чтобы люди встречались, и чтобы человек человека слышал. И
чтобы улыбались!.. Спокойных вам снов!..

К о н е ц